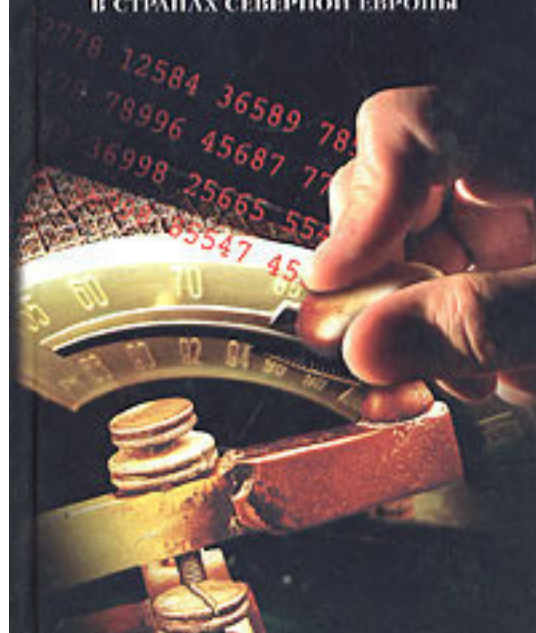

Герман Гисекс

ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС»

ТАЙНАЯ ВОЙНА АБВЕРА
В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Герман Гискес

**Операция «Северный полюс».
Тайная война абвера в
странах Северной Европы**

«Центрполиграф»

Гискес Г.

Операция «Северный полюс». Тайная война абвера в странах Северной Европы / Г. Гискес — «Центрполиграф»,

Начальник военной разведки в Голландии, Бельгии и Северной Франции рассказывает о тайной войне, которую вели между собой во время Второй мировой спецслужбы Германии и Англии. Подробно описана операция «Северный полюс» и приведены сведения о трагических судьбах задействованных в ней агентов. Особую ценность книге придают воспоминания английского радиста, участника описываемых событий.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Герман Гискес

Операция «Северный полюс». Тайная война абвера в странах Северной Европы

Часть первая ЛЕТО 1941 ГОДА

Дежурный офицер на пограничном пропускном пункте Свалмен, упитанный майор, внимательно изучил мой пропуск и вернул его мне, сказав: «Спасибо». Он вышел из открытой двери караулки, когда мой запыленный спортивный автомобиль подскочил к шлагбауму, преграждавшему путь. Очевидно, майор лично занялся мной, истосковавшись от службы в таком унылом месте, и штабной офицер, который ездит в одиночку и сам ведет машину, явно пробудил его интерес.

«Счастливого пути, господин майор!» И по взмаху его руки шлагбаум в красно-белую полосу поднялся передо мной. Мои прощальные слова утонули в реве выхлопа и визге шин по асфальтовой дороге, которая стрелой летела сквозь приграничные леса, как туннель в бесконечность. Чистый лесной воздух пошел на пользу мотору в этот жаркий августовский день, что вполне отвечало моему стремлению прибавить скорости.

Неделю назад меня вызвали в Гаагу. Отдел кадров департамента внешней разведки ОКВ очень любил – по крайней мере, с нашей, не слишком почтительной точки зрения – назначения на самые неподходящие должности, и несколькими месяцами ранее там решили дать мне шанс отдохнуть от Парижа. Мне предлагали Танжер, Афины или Харьков – последний, вероятно, из-за того, что я не знал ни слова по-русски и никогда не чувствовал себя уютно где-либо к востоку от Эльбы или Одера...

Мой начальник в Париже, мудрый капитан М., находившийся в прекрасных отношениях с адмиралом Канарисом, в итоге отправил телеграмму лично «Большому Ш», как мы называли между собой шефа, и сообщил ему, что вообще-то я – «западник», вследствие чего меня поспешно перевели в Гаагу, руководить отделом ШИФ при Аст-Нидерланды.

Не могу сказать, что с большим восторгом оставил свои парижские знакомства и обязанности. Мой отдел, ШС2 при Аст-Париж, был создан после оккупации Франции в мае 1940 года и не без успеха раскрыл несколько сенсационных случаев шпионажа, в которых были замешаны служащие американского посольства в Париже и офицеры бывшего французского Генштаба. Мне казалось, что там не сделано еще очень много важной работы. Какое применение найду я себе в Голландии, где рейхскомиссар Зейсс-Инкварт¹ «возвращает в лоно Германии родной ей по крови голландский народ», в стране с гражданскими властями и крайней потребностью в полиции безопасности и СД? Во Франции ситуация, по крайней мере, была совершенно очевидна. Оккупация стала результатом военной кампании, и за безопасность, вызванную военной необходимостью, отвечал один лишь главнокомандующий...

Над долиной Мааса собирались черные тучи с золотистыми краями, и, когда за мостом через Маас в Рурмонде началась широкая дорога на Верт, с первой вспышкой молнии хлынул ливень. Зная, что в Гааге меня давно ждут, я не стал тратить времени, чтобы поднять брезентовый верх машины, а лишь пригнулся к рулю, мчась вперед под потоками воды. Мысленно я

---

¹ Зейсс-Инкварт Артур (1892–1946) – рейхскомиссар в Нидерландах (1940–1945). (Примеч. ред.)

вернулся на свою родину у Рейна, оставшуюся совсем неподалеку, по другую сторону от границы, где только что побывал с «нелегальным» визитом.

Эйндховен – Бреда – мурдейкский и маасский мосты. Единственным заметным напоминанием о войне и оккупации служили часовые; я был избавлен от зрелища чудовищно изуродованного центра Роттердама. Вот наконец и Гаага.

После недолгого пребывания в Гааге два года назад у меня от этого города осталось впечатление как о старой деве с широким кругом знакомств, которая любит уют и по-прежнему старается привлекательно одеваться на радость своим многочисленным друзьям и поклонникам. Хотя теперь на ярком летнем платье Гааги появились пятна серого армейского цвета, она не утратила ни капли аристократического обаяния.

«Славный парень старой выучки», – подумал я, едва сел напротив начальника Аст-Нидерланды, к которому только что прибыл.

– Каковы были ваши обязанности в Париже?

– Заведовал отделом ШС2, господин оберет, имея особую задачу поддерживать некоторые контакты для ШФ.

Оберет наклонил маленькую голову, чтобы лучше слышать, и при этих словах неодобрительно поднял брови.

– В Берлине отлично известно, что нам здесь крайне нужен всесторонне подготовленный специалист для ШФ, и я искренне надеюсь, что вы отвечаете этим требованиям. Вам понадобится день-другой, чтобы войти в курс дел ШФ, так сказать, как вражеских, насколько они нам известны, так и наших собственных. Но не обольщайтесь – я должен сознаться: в том, что касается активности англичан в этой стране, мы не более чем блуждаем в потемках. Абвер-Ш в Берлине требует неослабной бдительности, а Бентивеньи и Роледер после своего последнего визита отнюдь не склонны к лести в наш адрес. Именно поэтому уходит ваш предшественник. Конечно, вполне возможно, что тревога ложная – просто полиция безопасности занялась имперским строительством или же партия и СС что-то затевают в Берлине. Нужно ли призывать вас к осторожности в отношениях с этими господами? Здесь, в Голландии, ЗИПО и СД куда более недоверчивы и куда менее довольны местным политическим раскладом, чем где-либо. Генерал Христиансен – отличный служака и старается изо всех сил, но нацисты тоже прижали его к ногтю, хотя сам он этого, похоже, не понимает, и в случае каких-либо разногласий на него нельзя будет полагаться. Что касается военной стороны вопроса, то, к счастью, генерал Швабедиссен все держит под контролем. В противном случае боюсь даже думать, что может случиться, если нам снова придется сражаться. Вдобавок генерал – очень компанейский человек. На днях он со своим штабом был у нас на обеде... – Оберет Хофвальд, казалось, забыл о своих проблемах, мыслями возвратившись к этому пышному приему.

Лишь гораздо позже я понял, каким хитроумным тактиком и ловким дипломатом был оберет, – именно таких людей адмирал Канарис любил ставить на самые уязвимые позиции, что помогало ему удерживать на плаву корабль абвера вплоть до 1944 года. В сущности, оберет с удовольствием предоставлял нам полную свободу, когда все шло хорошо, и я нередко получал от него мудрые советы, когда дела на нашем «втором фронте» против полиции безопасности снова пошли из рук вон плохо.

Когда моя машина доехала до бульваров Схевенингена, день подходил к концу, и я увидел перед собой безбрежные просторы Северного моря. Остановился посмотреть на него, прежде чем войти в здание штаба и отыскать свою комнату. Черт возьми, почему портье не спросил меня, как я прибыл – по воздуху или по морю? Ах да – я же до сих пор в форме, и идет война. Глядя на море, я ухитрился почти забыть о ней.

Монотонный шум прибоя эхом отдавался в стенах большого белого здания, подчеркивая тишину, наступившую после того, как оркестр в холле сыграл в последний раз марш: «...Мы идем, да, мы идем на Англию!» Морские просторы были темными и пустынными, ничто не

привлекало внимания, кроме бесконечного бега белых грив. По широкому, усеянному звездами небу над ничейным Северным морем, которое и разделяло врагов, и объединяло их, бежали облака, и, пока я стоял там, мне стало ясно, что вода всегда оставалась неотъемлемым элементом Голландии и ее истории. Бесчисленные столетия море вгрызалось в плоские берега этой страны, но голландский народ неизменно побеждал его, преодолевая самые сложные проблемы. По воде голландцы достигали далеких стран на севере, западе и юге, вписав славную страницу в историю. Не отсюда ли ждешь нового поворота?

Передо мной стояла определенная задача: посмотреть на запад и выяснить, что затевает враг под этими звездами, на этих темных водах и в воздухе над ними, – враг, знаменитый своим давним опытом и непревзойденный в искусстве тайной войны. В прошлом году нам преподали много поучительных уроков во Франции, Норвегии и Греции, и мне стало совершенно ясно, что значит столкнуться с таким суровым противником, как британская разведка, на которую работают лучшие голландские добровольцы, готовые рисковать жизнью.

Действительно ли до этого дошло дело? Ходили слухи о тайных десантах с моря и с воздуха, о радиосвязи с Лондоном, о тайных поездках в Стокгольм, Берн и Мадрид. Это лишь слухи или в них есть доля правды?

Весь первый день меня знакомили с широкой сетью Аст-Нидерланды в пригородах Схевенингена, где находилось и наше маленькое, уютное офицерское собрание. Я мог убедиться, что за год оккупации немецкие части начали привыкать к местному укладу жизни, проникать в самое сердце местного управления – сейчас они отличались от коренных жителей лишь внешними и заметными признаками военной организации. Кроме того, я понял: на парижском Асте лежит отпечаток холодного, интеллектуального, интернационального характера этого города, а сейчас, летом 1941 года, влияние широкого, безмятежного и неизменного голландского образа жизни отразилось и на уютной, буржуазной атмосфере Аст-Нидерланды.

Рев «Морского льва»² смолк. Мыльный пузырь предполагавшегося вторжения в Англию лопнул, но не стало ли это доказательством, что островитян, которых мы изгнали с континента, можно больше не опасаться?

И не вгрызаются ли наши танковые армии в Россию – с каждым днем все глубже и глубже? Кто посмеет остановить их, когда «величайший полководец всех времен» приказал им покорить Москву, Урал и Кавказ?..

На пляже бормотал прибор. Или это раскаты отдаленной пальбы? «Кровь немецких солдат выльется на ледяные просторы России, и через два года ни один из них не вернется домой». Эти слова сказал Канарис на высшем военном совете перед нападением на Россию, и сейчас мне казалось, что я читаю их, как надпись на стене Валтасара³.

Штаб IIIФ удобно размещался в маленьком, но хорошо обставленном доме на улице Хоге-вег в Схевенингене. Тяжелая чугунная решетка и широкий сад в достаточной степени отделяли дом от малолюдной улицы, обсаженной липами. Другая сторона улицы была не застроена: там тянулись луга, постепенно переходя в Схевенингенский лес. Из дома хорошо просматривались окрестности, и была заметна любая проезжавшая машина. Защита от нежелательного наблюдения представляла собой один из главных принципов нашей службы, и с этой целью у нас имелся черный ход, незаметный с улицы, который выводил и в сад, окружающий штаб, и в сад при офицерском собрании. Благодаря такому устройству нам и нашим посетителям

---

² «Морской лев» – операция по вторжению на Британские острова. План утвержден 16 июля 1940 г. Однако проигрыш Германии в воздушной Битве за Англию (август 1940 – май 1941) привел к отмене намеченной операции. (*Примеч. ред.*)

³ Валтасар – царь Вавилона. Согласно Библии, во время осады Вавилона персами и мидийцами Валтасар устроил у себя во дворце пир. Неожиданно на стене возникли слова «мене, мене, текел, упрасин (перес)». Приглашенный пророк Даниил дал разъяснение надписи: «Исчислил Бог царство твое и положил конец ему. Ты взвешен на весах и найден очень легким. Разделено царство твое между персами и мидийцами». В ту же ночь Валтасар был убит (Дан., 5: 26, 30). В переносном значении «надпись на стене Валтасара» означает неотвратимое возмездие. (*Примеч. ред.*)

был обеспечен скрытый от посторонних глаз вход и выход. Пристройки перед домом и за ним занимали службы военно-морского командования в Нидерландах. Таким образом, мы могли не опасаться излюбленных трюков разведок и контрразведок всех стран, когда за подозрительной штаб-квартирой устраивают постоянное наблюдение и всех обитателей и посетителей здания снимают фотоаппаратом или кинокамерой. Между прочим, в Схевенингене произошла подобная история. Я сам видел фильм, снятый до войны немецкой военной контрразведкой, в котором фигурировали весь штаб, сотрудники и посетители британской шпионской организации, с 1935 года работавшей против Германии и размещавшейся в Схевенингене. Парочка хладнокровных спортсменов спокойно сняла фильм через иллюминатор баржи, которая время от времени на целые дни и даже недели вставала у причала на канале не далее чем в тридцати метрах от улицы, на которой размещалась штаб-квартира британской разведки. К несчастью, фильм был немой, но его снабдили титрами с указанием имен, кличек, заданий, деятельности и связей каждой из невольных кинозвезд. Едва ли стоит говорить, что английских агентов, отправлявшихся из этой штаб-квартиры в Германию, ожидал весьма теплый прием, если только, конечно, они не предпочитали получать требовавшиеся от них разведанные непосредственно от немецкой контрразведки, а заказчики информации еще и платили за нее приличные деньги! Отдел ШИД берлинского департамента абвера занимался исключительно фабрикацией сообщений, которые должны были сбить врага с толку и поставлялись по мере надобности в отделения ШИФ. Эта «официальная» продажа ложных или обманных сведений оказалась очень прибыльной и ощутимо помогла перед войной, когда немецкая контрразведка нередко сидела без финансирования!

Вероятно, британская разведка играла в ту же игру, но с началом войны все стало куда более серьезно. Теперь за неудачу, допущенную по ошибке или по небрежности, платить приходилось не только золотом, но и кровью; с ожесточением боевых действий и расширением масштаба секретных операций ответственность за успех или неудачу нередко становилась невыносимо тяжелой.

Как я уже сказал, улица Хогевег казалась хорошо защищенной от непосредственного наблюдения. Но это только начало: следующее соображение ни в коем случае нельзя было назвать утешительным. Среди персонала «цитадели» нашелся лишь один человек, на чей характер и профессиональные способности я мог полностью положиться, особенно принимая во внимание наш «второй фронт» против ЗИПО и СД. За исключением этого человека, оберлейтенанта (а позже гауптмана) Вурра, а также переводчика сержанта Купа, известного как Вилли (опытного парня, но настоящего перекатиполе), во всей «команде» едва ли имелся хоть кто-нибудь, кто отвечал бы моим требованиям. Вурр – седеющий, ревматического склада человек, у которого способность к взвешенным суждениям, большой опыт и хорошее знание людей сочетались с железным профессионализмом, которому не мог помешать даже холерический темперамент, – был несколькими годами старше меня. Подобно мне, он прошел всю Первую мировую войну молодым пехотинцем, и, если бы нам пришлось жарко, он со своим смертоносным револьвером стал бы надежным щитом.

– Офицеры и персонал абвера собираются в кабинете шефа в 10 часов на совещание! – раздался за дверью голос Вурра.

Я смог ознакомиться с ситуацией из докладов отдельных специалистов – как я и ожидал, там не нашлось почти ничего интересного. Настало время выработать курс действий, которого нам отныне следовало придерживаться.

– Пожалуйста, садитесь, господа.

Восемь человек – одни в штатском, другие в форме – уселись в офисные кресла красной кожи или в плетеные кресла, принесенные с соседней веранды.

– Господин майор, – доложил Вурр. – Я только что договорился, чтобы начальники группы радиопеленгации из 9-го разведывательного отдела в Голландии прибыли сюда в 11

часов. Кроме того, о срочной встрече просил обер-лейтенант Гейнрихс из службы радионаблюдения ОРПО.

– Спасибо, Вурр. Назначьте Гейнрихсу на 11.30. Вам что-нибудь известно о том, на что они напали?

– Нет, господин майор. Сказали только, что дело срочное.

– Хорошо. А теперь, господа, перейдем к делу. За прошедшие несколько дней вы по отдельности весьма четко обрисовали мне состояние дел. Подытожу свои впечатления.

Что касается врага, то в настоящий момент достоверно не известно ни о каких лицах или организациях, активно занимающихся в Голландии разведкой, шпионажем или саботажем. Однако имеются некоторые указания на такую деятельность. Доказательством того, что в этой стране есть силы, связанные с Лондоном, служит недавний промах полиции безопасности на Снекер-Мер, когда засада, поджидавшая вражескую летающую лодку, которая доставляла агентов, была расстреляна этим самым самолетом. Очевидно, в Лондоне известно о работе ЗИПО, и сейчас инициатива принадлежит врагу.

В Испании мы обнаружили и раскрыли – отчасти фотографическим методом – явочную квартиру для переправки донесений голландских шпионов в Лондон. В данный момент я ожидаю полного отчета. Надеюсь, с его помощью мы выясним, работают ли эти голландские группы независимо или по указаниям из Лондона. Прошу вас четко представлять себе фундаментальное различие между двумя этими вариантами. Пресечение нелегальной деятельности в Голландии – это в первую очередь задача полиции безопасности, которая с этой целью взаимодействует, в зависимости от обстоятельств, с полевой полицией, военной патрульной службой и отделом ШС2 при Асте. Если же за саботажем и шпионажем стоит разведка союзников в Лондоне, то в действие вступает ШФ – военная контрразведка. То же самое, естественно, относится ко всем случаям радиосвязи с врагом.

Что касается нелегальных передвижений по морю, о них сообщается в многочисленных неподтвержденных докладах, которые невозможно проверить. Материалы Би-би-си, которые передает радио «Ориндж», также указывают на переправку тайных агентов. Мы предпримем особые усилия, чтобы проследить эти нити во взаимодействии с морским абвером и службой берегового наблюдения. Надеюсь вскоре получить подробную информацию от руководства группы радиопеленгации.

Теперь о нашем собственном положении. Оно заключается в том, что ни в Голландии, ни за границей у нас нет доступа к вражеским секретным организациям через внештатных сотрудников ШФ. Внутри страны имеется несколько нитей, которые, возможно, ведут к таким организациям. Все их следует тщательно исследовать, не скупясь на денежные затраты.

Если говорить о пригодности наших агентов, то мне кажется, что внештатные сотрудники действовали не слишком успешно. Например, совершенно ошибочно привлекать к работе известных членов НСБ. В случае малейшего подозрения они сразу же будут раскрыты. Кроме того, такие люди, находясь на оплачиваемой службе в абвере, склонны злоупотреблять своим положением с целью расправы с политическими противниками. Я намерен избавиться от внештатных сотрудников такого типа при первой же возможности. Наконец, господа, заявляю вам со всей ясностью, что мы ни при каких обстоятельствах не должны заниматься партийными или политическими вопросами.

Мой принцип – использовать небольшое число первоклассных агентов, пусть высокооплачиваемых, но действительно пригодных для нашей работы. Использование слишком большого числа внештатных сотрудников чревато утечками информации и болтовней. Позже я оглашу свои требования, касающиеся ваших личных отношений с внештатным персоналом, особенно с женщинами, и распорядок контактов с внештатным персоналом в данном здании. Пожалуйста, ознакомьтесь с ними очень внимательно.

Прошу принять к сведению, что метод «провокаций», практиковавшийся гауптманом Клеебахером, отныне применяться не будет. Я хорошо понимаю, что умелый и бессовестный провокатор может запутать любого порядочного голландца, заставив его работать на союзную разведку, и тем самым навлечь на него репрессии со стороны оккупационных властей. В соответствии с директивой берлинского отдела абвера ШФ катастрофически запрещая такие методы. Будьте любезны, считайте себя предупрежденными в данном отношении.

Теперь еще один принципиальный вопрос. При поиске следов тайной вражеской деятельности порой происходит раскрытие уголовных преступлений. Но, в отличие от ЗИПО, это совершенно не наше дело. Единственная наша цель и задача – выявление тайных планов и связей лондонской разведки, причем таким образом, чтобы мы могли обмануть ее и предотвратить зловещие начинания врага. Благодаря этому мы можем получить важную информацию для нашего Верховного командования, и с этой целью порой следует позволять вражеским агентам и организациям какое-то время работать спокойно, при условии, что мы верно распознали их и в достаточной степени контролируем. Аресты, обыски, реквизиции и любые другие полицейские операции – это работа ЗИПО. Мы – не криминалисты и не детективы, мы – не судьи и не палачи. Наш долг как офицеров абвера – предотвращать преступления, а не наказывать за них. Кроме того, помните, что человек, приговоренный в законном порядке, в моральном плане все равно может стоять на голову выше своих судей.

В случае вооруженного сопротивления разумно и своевременно пользуйтесь своим оружием – но опять же, помните, что безоружный противник перестает быть врагом, оставаясь лишь человеком, чье единственное преступление – такая же любовь к своей стране, которую испытываем мы с вами.

На сегодня это все, помимо объявления, что наш шеф, адмирал Канарис, к концу августа собирается прибыть в наш Акт с инспекцией. Надеюсь, у нас появится возможность обсудить с ним ситуацию в голландском ШФ. Господин Вурр, задержитесь, пожалуйста. Благодарю вас, господа.

Кресла закрипели, и после прощальных слов тяжелая дверь закрылась за последним сотрудником.

– Сигарету?

– Спасибо, господин майор, я курю сигары. Не хотите ли отведать мою? – И Вурр достал огромный портсигар.

– Спасибо большое.

Некоторое время мы курили молча. Прошлым вечером наш интересный разговор в офицерском собрании был прерван появлением оберста Хофвальда. Вурр, проведя несколько недель в Гааге, с поразительной легкостью пробрался за кулисы местной жизни. Один дьявол знает, откуда он добывал все придворные сплетни о рейхскомиссаре, главнокомандующем Раутере, но в самом деле был отлично информирован.

Сейчас мы перешли к разговору о двух дамах из местного общества по фамилии П., которые играли немаловажную роль при «дворе» рейхскомиссара.

– Подтверждено ли, – спросил я, – что сам П. находится в Лондоне и работает на голландское правительство в изгнании?

– Отдел иностранной цензуры в Париже пришел к такому выводу из писем к фрау П. от мадридских друзей. Более того, я думаю, что фрау П., вероятно, работает на ЗИПО или на СД, следя за рейхскомиссаром и его окружением. Поскольку обе эти дамы отличаются как нещепетильностью методов, так и широким кругом друзей, они, несомненно, превосходно осведомлены. Близорукая и небрежная эксплуатация их связей не очень-то красит СД. Но в любом случае они – не секретные агенты союзников.

– Я бы скорее сказал – пока не секретные агенты. И по связям, и по темпераменту обе дамы отлично для этой работы подходят...

Неожиданно к дому подкатили две серые открытые армейские машины, и мы увидели, как из их одинаковых дверей одновременно выпрыгнули два одинаковых молодых офицера. Картина была столь поразительная, что мы с Вурром переглянулись и рассмеялись.

– Ну, если они такие же работники, как водители... – сказал Вурр.

– Попросите их войти, – велел я секретарше, которая открыла дверь, чтобы объявить о прибытии гостей.

Приветствия, процедура знакомства, обмен рукопожатиями. Двое руководителей отдела радиопеленгации чем-то походили на тренированных породистых псов, поскольку у них за плечами были десять лет суровой армейской службы и работы по специальности. Какой контраст с утомленной компанией скептических или циничных резервистов, только что покинувших кабинет! Однако времени на такие размышления не было – мы уже разложили перед собой карты.

Обер-лейтенант О., которого я знал в Париже, четко и ясно говорил за них обоих. О нем и его командах радиоперехвата, пеленгации и дешифровки говорили как о весьма перспективных специалистах. Сейчас он уже шесть недель занимался тщательным поиском вражеских радиопередатчиков в Голландии. Несколько недель назад немецкие станции радиоперехвата в Норвегии, Польше и южной Франции доложили, что из района Нидерландов только что начались коротковолновые передачи на Англию. Местонахождение передатчиков еще не было определено точно, но тип передач указывал на существование агентурной сети. Нерегулярные сеансы связи, их непродолжительность, быстрые ответы на вызов и прочие признаки – все говорило о том же самом.

– Последние данные пеленгации указывают на наличие двух передатчиков к северу от больших рек. Я обозначил на этой карте результаты пеленгации. Судя по ним, передатчик с позывными UBX действует внутри треугольника Утрехт – Зейс – Амерсфорт. Передачи ведутся нерегулярно на частоте 6677 и 7787 килogerц. График работы передатчика еще не вполне известен, но мы можем уверенно говорить о пяти передачах в неделю. Продолжительность передач – от 6 до 9 минут. К настоящему моменту мы перехватили 14 сообщений с достаточной точностью, чтобы можно было их дешифровать, если подобрать ключ. Криптографический департамент радиоотдела армейской разведки в Берлине пока что обломал зубы. Мы подозреваем, что применяется голландский метод шифровки. Если нам удастся захватить передатчик, то мы получим достаточно материала, чтобы решить загадку.

Второй передатчик с позывными ТВО лишь недавно начал работу в районе Делфт – Гауда – Нордвейк, вероятно, вблизи от Гааги. В настоящий момент больше о нем ничего не известно. Лейтенант Р. с нынешнего дня займется наблюдением за этой станцией и ее поиском. Своих людей я отправляю искать UBX в район Утрехта.

Поскольку станция радиопрослушивания ОРПО в Схевенингене в том, что касается агентурных радиопереговоров, переходит в ваше распоряжение, господин майор, я прошу вас, чтобы ее наблюдения сличались с моими – как ретроспективно, так и с данного момента. Если после взятия точного пеленга предполагается задействовать персонал ШИФ, я был бы благодарен за тесное сотрудничество во всех отношениях.

Мы с Вурром внимательно слушали; Вурр записывал самые важные сведения.

– Как вы думаете, когда удастся подобраться к UBX достаточно близко, чтобы захватить его? – спросил я. – Это могло бы принести гораздо больше пользы, чем уничтожение единичного агента, поскольку успешный захват передатчика мог бы дать достаточно информации о том, что здесь творилось в течение долгого времени. Как вы знаете, в берлинском штабе абвера считают, что Голландия куда больше интересует лондонские спецслужбы, чем привык считать рейхскомиссар. Неужели Голландия – менее благоприятное поле для операций союзной разведки, чем, скажем, Франция? В 1940 году они вовсе не приветствовали нас с распростертыми объятиями. Сказочки Геббельса не убедят даже школьников! Думаю, англичанам прекрасно

известно, что вдоль всего атлантического фронта стоит не больше шести немецких дивизий. Следовательно, наша задача – выяснить методы и намерения англичан, чтобы дать им достойный ответ. Именно поэтому я спрашиваю о возможном дне захвата.

– Если радист продолжит работать так же, как прежде, не встречая помех с нашей стороны, мы сможем захватить его в течение двух недель. Если же он что-то заподозрит или по какой-либо иной причине переменит местоположение, я не гарантирую никакой даты, – ответил обер-лейтенант О., доставая из портфеля карту. – Вот полный доклад от берлинской военной радиоразведки с последними результатами антиагентурной работы по всем театрам военных действий. Здесь имеется новейшая информация о вражеских методах секретных радиопереговоров, полученная на основе работы всех немецких служб радиоперехвата и пеленгации. Он рассылается ежемесячно, и я позабочусь, чтобы его копия сразу же доставлялась вам. Французский отдел с тем же номером сделал ряд интересных наблюдений по поводу быстрой смены положения передатчика и частоты сигнала, а также перемены позывных у станций, работающих во Франции с марта 1941 года. Этот вражеский обычай крайне осложняет нашу работу, но его необходимость очевидна из-за тяжелых потерь, понесенных врагом вплоть до настоящего времени. Тем не менее, если UBX останется на прежнем месте еще две недели, думаю, могу вам обещать, что он окажется у нас в руках.

– Можете оставить мне этот доклад?

– Конечно, господин майор, если дадите мне расписку и лично перешлете его обратно.

Вурр принес красный бланк расписки «совершенно секретно», и я подписал его.

– Господа, надеюсь, вы останетесь пообедать с нами?

– Очень жаль, господин майор, но у нас круглосуточное расписание, зависящее исключительно от UBX и ТВО. Когда с ними будет покончено, мы с удовольствием отобедаем с вами.

Такие люди мне по душе! Не успел я вернуться в кабинет после того, как проводил их, обе машины уже исчезли.

Вскоре после полудня ко мне пришел жилистый человек среднего роста в форме полиции правопорядка, манерами и речью напоминавший опытного сотрудника полиции безопасности старого типа. Он сообщил мне о своих обязанностях в службе радиоперехвата при полиции безопасности (сокращенно – станция Фуб при ОРПО) и ясно дал понять, что считает себя перешедшим под мое руководство во всем, что касается перехвата агентурных переговоров. Он прибавил, что не имеет никакого отношения к полиции безопасности и отчитывается только передо мной и своим начальством в Берлине. Он прекрасно разбирался в требованиях, предъявляемых абвером к работе с агентурной радиосетью, и уже связывался с Берлином по поводу передатчиков UBX и ТВО.

Разумеется, я приветствовал любое содействие, но не был доволен слишком большим числом отделов, занятых этой работой. Мы снова столкнулись с проклятым дублированием, без которого ничего нельзя было поделывать при нацистском режиме! Сверху донизу и за каждым углом ты натыкался на так называемое «соревнование», из-за которого возникали неизбежные трения, но, тем не менее, оно было объявлено важнейшим условием государственной службы в Тысячелетнем рейхе.

Я решил, что придется поиграть в политику. В данном случае дублирование следует обратить на пользу дела, а соперничество поможет быстрее решить проблему. Поэтому мне пришлось в голову сыграть на тщеславии гостя.

– Я очень доволен вашим докладом, лейтенант Гейнрихс. Поразительно, как быстро вы собрали информацию о едва начавших работу станциях. Но нам ее нужно очень много, и этим займетесь вы с вашими людьми, при необходимости – с помощью военной службы пеленгации. Насколько велик ваш отдел?

– Около двадцати пяти человек, – просяив, ответил Гейнрихс. – В том числе пятеро или шестеро ведущих круглосуточное прослушивание. Хотя фактически зона нашей ответствен-

ности ограничивается Голландией, мы ведем пеленгацию и других стран, особенно Англии. Кроме того, мы обязаны глушить вражескую радиопропаганду.

Из его дальнейших слов у меня возникло четкое ощущение, что он «мыслит по-военному» и не питает любви к ЗИПО. Это, а также тот факт, что он со своими людьми отлично справляется с работой, впоследствии принесло нам огромную пользу, хотя в тот момент я еще ничего подобного не подозревал. Однако Гейнрихс, очевидно, был уже на моей стороне, и, когда он ушел с поклоном, который бы не посрамил кукольный театр, Вурр проворчал что-то одобрительное.

Вскоре после моего прибытия я повесил форму в гардероб, где она и висела в ожидании какого-либо официального мероприятия. Офицерам абвера дозволялось ходить в штатском, когда это требовалось по условиям работы, но начальство не забывало одернуть подчиненных, слишком широко пользовавшихся этой привилегией. В этом отношении приходилось быть внимательным, особенно в оккупированных странах. Немногие офицеры, оставшиеся на действительной службе с мирного времени и имевшие основательную подготовку, уже и так почти потерялись в толпе новых сотрудников. В принципе некоторые офицеры-резервисты до войны прошли недолгую подготовку в абвере, но до нормально обученной и полностью работоспособной организации было еще очень далеко. Всякий раз, как к обычной подготовке прибавлялся практический опыт, результаты оказывались превосходными. В любом случае, помимо соображений службы, штатская одежда была куда более уместной на заманчивых пляжах Схевенингена, на который летом 1941 года ежедневно стекались тысячи гражданских людей, и затесавшиеся в их ряды военные отнюдь не улучшали общего вида – как раз наоборот!

Однако в «Гранд-отеле» форменная одежда не привлекала внимания. Народу здесь было больше, чем в любой мирный сезон, но довоенный интернациональный калейдоскоп уступил место сверкающему узору национальной формы – от синей морской, голубовато-серой и серой полевой до обильно представленной и вожделенной «державно-коричневой» партийной формы с массой золота. Более того, «разнообразие» полов среди посетителей отеля было почти невообразимым...

Четыре недели я жил как отпускник, пока не удалось переселиться в комнату в служебном здании, откуда я мог полностью контролировать всю организацию ШИФ. В эти первые недели вопиющая нужда в новых хороших работниках не давала мне ни минуты покоя. С 1940 года поле деятельности абвера расширилось от Нордкапа до Бордо, от Финляндии до Афин, а в последнее время до России и Северной Африки, и ситуация с опытным персоналом стала критической. Мы повсюду искали людей с подходящим складом характера, со знанием иностранных языков и с достаточным здравым смыслом. Они ни в коем случае не должны были быть «партийными мальчиками», да и те, кто питал слабость к СД, тоже нам не годились. В 1940 году я сумел собрать в своем парижском офисе команду, замечательную смешением военных и штатских элементов. Там были представлены дельцы и музыканты, аристократы и моряки, ученые, члены Иностранного легиона, авантюристы и буржуа – причем все немцы, – а также военные в разных чинах. Но это последнее различие не играло особой роли, поскольку, с моей точки зрения, у меня в офисе собрались не просто офицеры, сержанты и рядовые. Более важным было различие между «специалистами абвера» и «прочими». Низшие чины отчасти получили офицерскую подготовку, и не было ничего необычного в том, чтобы одеть старшего матроса в форму капитан-лейтенанта, снабдить всеми соответствующими бумагами и регалиями и отправить его разыгрывать офицера в разных конторах и службах, поскольку он был вполне способен на это. Даже люди, отличавшиеся независимостью мыслей и поведения, после подобной тренировки вскоре осознавали необходимость в корпоративном духе и дисциплине, которая не сводилось лишь к тому, чтобы отдавать и получать приказы. Стремление добиться успеха значило для них гораздо больше, чем подчинение жестким инструкциям, а признательность шефа – больше, чем осязаемые награды.

Мне пришлось оставить всех их в Париже на попечение своего преемника, но через две недели до меня дошел крик о помощи. Сменивший меня достойный майор Федер не сумел поладить с людьми, которые уважали начальника за его способности, а не чин. Дела шли из рук вон плохо, но «команда» не собиралась обращать особого внимания на приказы Федера – так не организирую ли я перевод в Голландию нескольких людей, которые мне там пригодятся?

Я отправился к оберсту Хофвальду.

– Господин оберет, пожалуйста, отправьте меня на три дня в Париж!

– Вы только что оттуда. Зачем вам возвращаться?

– Господин оберет, здесь у меня нет ни одного человека, который сумел бы успешно внедриться во вражескую курьерскую или агентурную сеть, а я не сомневаюсь, что эти сети протянулись от Парижа и Брюсселя до Берна и Мадрида. Однако в Париже есть надежные люди, которые сидят там сложа руки, потому что не могут поладить с майором Федером. Я хотел бы перевести их сюда, так как вскоре здесь появится несколько вакансий.

– Вакансий? Откуда они возьмутся?

– Оттуда, господин оберет, что завтра-послезавтра я попрошу о переводе некоторого количества лишнего персонала. По моему мнению, ШПФ – не место для щеголей с эполетами и без эполет, которых заботит лишь то, чтобы получать жалованье.

Хофвальд бросил на меня резкий взгляд. Это выпад в его собственный адрес или в адрес начальника Аста? Или, может, поспешность моих поступков покорила осторожного дипломата? Его застали врасплох, уязвили его гордость? Он не терпел ничего, что не соответствовало его утонченным и продуманным представлениям о жизни. Любое торопливое решение, принятое без учета всех соответствующих факторов, пробуждало в нем недоверие.

Неуютная пауза затянулась надолго.

– Отложите вашу поездку, Гискес, до тех пор, пока не приедет шеф, – сказал он наконец. – Мы не знаем, что получится из его визита, и в любом случае мне хочется, чтобы следующие несколько дней вы были под рукой. После этого сможете отправляться в Париж. А сейчас давайте чуть углубимся в проблему персонала. Я не хочу, чтобы новички повторяли прежние ошибки.

– В этом вопросе я прошу вашего доверия, господин оберет. Мне нужен небольшой, но опытный штаб, без пассажиров. Если мы действительно хотим защититься от нависшей над нами неведомой угрозы, то самое первостепенное значение имеет надежность и тщательный выбор материала. Лично я не верю, что англичане заснули в ожидании, когда Гитлер проглотит их. Они уже слишком дорого заплатились за беспечность. Для тайной войны за нашей спиной у них есть все козыри, и вскоре они пустят их в ход. У них было много времени на необходимые приготовления, а я не хочу оказаться с пустыми руками, когда все придет в движение.

Хофвальд, как всегда дружелюбный, явно полагал, что я рисую слишком мрачную картину, но я видел, что произвел на него впечатление. Десять минут спустя я поговорил по прямой линии с майором Федером в парижской штаб-квартире абвера и договорился о визите на первой неделе сентября.

В промозглом холоде раннего сентябрьского утра роса широкими ручьями стекала по ветровому стеклу машины и капала на меня со старых деревьев, нависших над «наполеоновской» дорогой между Бредой и Антверпеном. Пограничный пост в Вюствезеле остался за спиной, и деревья по обе стороны от дороги улетали назад подобно частоколу. В таком темпе я прибуду в Париж как раз к обеду в штаб-квартире абвера в отеле «Лютеция». В этот раз срочных дел у меня не было, и быстрая езда служила долгожданным расслаблением после напряжения нескольких предыдущих дней, оставивших у меня массу впечатлений, в которых еще предстояло разобраться. Двухдневный визит шефа – адмирала Канариса – закончился накануне вечером официальным обедом в Ауде-Делене. Обед прошел превосходно. В дюжину

гостей входили глава полиции безопасности и представители штабов вермахта. Когда после обеда гости разбились на группки, Канарис воспользовался возможностью спокойно поговорить по душам с Хофвальдом и Харстером, а затем, верный своему обычному распорядку, ушел в десять часов. Этот разговор дал нам всем пищу для затянувшейся до полуночи дискуссии. Каждый из участвовавших в ней четырех членов нашего маленького кружка подавал реплики в саркастическом или деструктивном духе, в зависимости от своего личного стиля.

Канарис подчеркивал необходимость работать в тесном контакте с ЗИПО и предупредил нас: «Смотрите, чтобы ваши раздоры не доходили до моих ушей в Берлине». Посвященным стало ясно, что он беспокоится за будущее абвера, рассматривая его как противовес тоталитарным амбициям штаб-квартиры имперской безопасности. Канарис мог делать свое дело лишь до тех пор, пока отношения между отделениями абвера и соответствующими органами ЗИПО и СД оставались мирными, без фундаментальных разногласий. Один конфликт взглядов на сферу деятельности абвера и разведслужбы рейха уже закончился признанием точки зрения имперской безопасности: такой результат был неизбежен, поскольку последняя занимала сильную позицию, а Кейтель, глава Верховного командования вермахта, был известен про-партийными настроениями.

Мы часто обсуждали личность Канариса, с его зачастую противоречивыми приказами и порой непостижимыми намерениями. Этот низенький человек с копной седых волос, должно быть, прекрасно смотрелся на мостике корабля, а его большие голубые глаза, неизменно умные и бдительные, выдавали в нем офицера старого имперского флота. Он пользовался любой возможностью, чтобы сменить свою адмиральскую форму на штатское платье. Утром в день своего прибытия он устроил смотр встречавшему его строю офицеров. Ему называли имена, а он пожимал каждому руку, приветствуя старых сотрудников кивком и взглядом прищуренных глаз. Канарис избегал произносить готовые речи и ограничивался немногими энергичными, порой забавными фразами, умея порой предложений кристально ясно выразить свою точку зрения. В разговоре с двумя-тремя людьми с него быстро спадала маска отчужденности, и тогда он раскрывался как великий знаток человеческого ума. В его приятном, мягком голосе звенела сила внутреннего убеждения, за которым стояли десять лет успешной работы в разведке. Перед войной видная английская газета, намекая на греческую фамилию и происхождение Канариса, писала: «Главой своей военной разведки Гитлер сделал самого восточного из своих офицеров». Это был смелый выпад в адрес нацистов с их расовым комплексом, но относительно Канариса автор попал в самую точку, вероятно не зная этого. Сочетание в Канарисе непроницаемости, ума и хитрости казалось его врагам тем более тонким, поскольку оно редко встречалось у старших офицеров вермахта. Но никто не знал Канариса до конца, даже самые близкие к нему люди. Сразу же после войны начались бесконечные дискуссии по поводу мотивов, которыми он руководствовался, но в тот момент мы знали лишь то, чего он не хочет – а именно какого-либо нарушения неписаных законов гуманности. В этом отношении он никогда не отступался от решительного отрицания ложных ценностей, которым поклонялись в Германии времен Третьего рейха, хотя, как опытный солдат, он хорошо знал, что война диктует свои законы.

Канарис одобрительно выслушал мои довольно общие рассуждения о положении ШФ в Нидерландах и спросил, каковы мои впечатления от нескольких проведенных здесь недель.

– Только старайтесь покороче, – сказал он. – Всем известно, что ничей предшественник никогда не справлялся со своими обязанностями.

Все одобрительно усмехнулись, обрадовавшись, что избавлены от необходимости обсуждать неприятные вопросы.

На этот раз Канарис снова остановился в Вассенаре у своего старого друга, капитана Ричарда Патцига. До 1937 года этот почти семидесятилетний человек, известный как «дядя Ричард», был одной из главных фигур штаба абвера при ОКВ в Берлине, где в то время возглавлял отдел контрразведки. С 1938 года Патциг, удивительно хорошо сохранившийся, жил в

Вассенаре, где за ним присматривала «тетя Лена» – его экономка, секретарь и доверенное лицо, посвященная во все его служебные тайны. Перед войной Патциг из этого эльдорадо отпускников и бездельников под личиной представителя немецких железных дорог растянул свою паутину для борьбы с английской разведкой, действовавшей в Голландии. На картах в Берлине станция «П» отмечалась как источник многих сверхсекретных сведений, почерпнутых из докладов Патцига. После мая 1940 года и учреждения Аст-Нидерланды станция «П» получила официальный статус. Но она по-прежнему сохраняла подотчетность непосредственно Берлину, и никто из нас толком не знал, чем занимается старый дядя Ричард.

Его дружба с Канарисом насчитывала почти сорок лет, с того времени, когда Канарис был кадетом на имперском флоте, а Патциг – его офицером-инструктором. После Первой мировой войны оба они перешли на работу в разведку, с которой Канарис познакомился еще в 1916 году, возглавляя в Мадриде службу морского шпионажа, целью которой была слежка за действиями союзников на Средиземном море. О подвигах Канариса во времена Первой мировой войны ходили бесчисленные легенды. Когда его крейсер «Дрезден» был потоплен в 1915 году, Канарис был интернирован в Чили, но сбежал и в 1916 году пробрался в Германию через вражеские посты, выдавая себя за чилийского коммерсанта. В 1917 году его взяли в плен и приговорили к смерти итальянцы, но он сумел вернуться в Испанию в своей обычной авантюрной манере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.